

Б.Мандевиль

Басня о пчелах

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Б11

Б11 **Б.Мандевиль**
Басня о пчелах / Б.Мандевиль – М.: Книга по Требованию, 2013. – 376 с.

ISBN 978-5-517-97796-0

ISBN 978-5-517-97796-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БЕРНАРД МАНДЕВИЛЬ И ЕГО «БАСНЯ О ПЧЕЛАХ»

В 1705 г. на улицах Лондона появилась анонимно изданная брошюра, озаглавленная «Возроптавший улей, или Мошенники, ставшие честными» (*The Grumbling Hive, or Knaves turn'd Honest*). Брошюра привлекла внимание читающей публики своим оригинальным содержанием — написанной стихами басней, где под видом пчелиного улья сатирически изображалась жизнь общества, изобилующая всевозможными пороками.

Перепечатанная вскоре в виде листовки и продававшаяся по полпенса за штуку, басня распространилась по городу в большом количестве экземпляров. Через некоторое время стал известен и ее автор. Им оказался лондонский врач и литератор Бернард Мандевиль, происшедший из семьи французских протестантов, переселившейся в начале XVII в. в Голландию из-за преследований, которым подвергались тогда гугеноты.

Будущий философ родился в 1670 г. в Дордрехте, детство и школьные годы провел в Роттердаме, затем поступил в Лейденский университет, где изучал медицину. Закончив образование, Мандевиль стал практикующим врачом. В 1700 г. он переехал на постоянное жительство в Лондон, натурализовался и занялся усиленным изучением английского языка. Он продолжал также, и, видимо, успешно, врачебную практику, а несколькими годами позже приступил к научной и литературной деятельности.

Перу Мандевилля принадлежат медицинский трактат об опухолчатых и истерических заболеваниях, ряд сочинений по вопросам морали и религии, написанные на злобу дня публицистические статьи. Однако главным произведением Мандевилля, принесшим ему широкую извест-

ность, является «Басня о пчелах», снабженная многозначительным подзаголовком: «Пороки частных лиц — блага для общества» (*The Fable of the Bees: or, Private Vices, Publick Benefits*).

Основу этого многопланового сочинения составил упомянутый выше стихотворный памфлет о возроптавшем пчелином улье. Переизданный в 1714 г. он был дополнен Мандевилем пространными комментариями (*Remarks*) и трактатом «Исследование о происхождении моральной добродетели» (*An Inquiry into the Origin of Moral Virtue*). В 1723 г. увидело свет новое издание «Басни». В него были включены еще два сочинения Мандевилля: «Опыт о благотворительности и благотворительных школах» (*An Essay on Charity, and Charity-Schools*) и «Исследование о природе общества» (*A Search into the Nature of Society*).

С этого времени произведение Мандевилля становится предметом бурной полемики, которая продолжалась еще долгие годы после смерти писателя (1733 г.). Интерес к «Басне о пчелах» был огромен. Одно за другим выходили все новые издания книги. В 1729 г. появился второй том «Басни», содержащий шесть диалогов, посвященных проблематике первого тома. С 1734 г. оба тома стали издаваться совместно. В общей сложности «Басня о пчелах» переиздавалась в Англии свыше десяти раз на протяжении всего XVIII в. Впоследствии она была переведена на французский и немецкий языки, получила известность за океаном.

Если широкие читательские массы зачитывались произведением Мандевилля, то отношение к нему со стороны английских властей, как светских, так и духовных, было резко отрицательным. В 1723 г. «Басня» была осуждена большим жюри Мидлсекса по обвинению в безнравственности и атеизме. На книгу писались многочисленные опровержения. Ее критиковали и представители религиозно-идеалистической этики, и теоретики нравственности, которые отстаивали идею природного происхождения морали. Достаточно сказать, что в числе критиков Мандевилля были такие различные мыслители, как Д. Беркли, Ф. Хатчесон, А. Смит. Понятно, что больше всего на «Басню о пчелах» нападали защитники религиозной морали, непримиримые противники материализма и свободомыслия. Пальма первенства принадлежит в этом отношении епископу Клойнскому Джорджу Беркли. В 1732 г. он выступил с работой, направленной против Мандевилля и Шефсберн. «Алсиф-

рин, или Мелкий философ. Апология христианской религии против так называемых свободомыслящих» — таково полное название этой работы, говорящее само за себя.

Чем же объясняется столь повышенный интерес к книге Мандевиля? Почему «Басня о пчелах» привлекала к себе внимание читателей в течение нескольких десятилетий? Гринков, наконец, смысл идейной борьбы, развернувшейся вокруг этого произведения?

Ответ на эти вопросы требует предварительного, хотя бы краткого, анализа обстоятельств, в которых формировались взгляды Мандевиля на природу и сущность морали.

* *
*

Этическая мысль Британии в конце XVII — начале XVIII в. развивалась под влиянием идей Гоббса и Локка. Значительную роль в английской этике играл также современник Мандевиля Шефтсбери. Помимо названных мыслителей, которые при всем своем различии принадлежали к передовым идейным течениям рассматриваемой эпохи, существовали и открытые апологеты христианской этики типа Беркли, и философы, отстаивавшие религиозно-идеалистические концепции нравственности (С. Кларк, Р. Камберленд, Р. Кедворт и др.).

Этика Томаса Гоббса (1588—1679) являлась, как известно, составной частью его учения о человеке и обществе. Гоббс отверг теологические представления о морали, которые исходили из того, что основанием и высшим критерием нравственности служит божественный закон, сообщенный людям путем откровения. Из этого постулата вытекали положения о неизменности моральных предписаний, их абсолютном характере и значимости¹, а также их противоположности «греховным» устремлениям людей, практическим потребностям и интересам.

В противоположность такому пониманию морали Гоббс выводил ее из «природы человека», из жизненных влечений и интересов людей, из их «естественных» побуждений. Но какова человеческая природа? Каковы те влечения и побуждения, которые определяют поведение людей? Ответ

¹ В этом отношении весьма показательно сочинение главного представителя так называемых кембриджских платоников Р. Кедворта (1617—1688) «Трактат о вечной и неизменной морали» (A Treatise Concerning Eternal and Immutable Morality).

Гоббс гласил: «Люди от природы подвержены жадности, страху, гневу и остальным животным страстям»², они ищут «почета и выгоды»³, действуют «ради пользы или славы, т. е. ради любви к себе, а не к другим»⁴. Эгоизм был объявлен, таким образом, главным стимулом человеческой деятельности.

Другим важным положением этики Гоббса являлось утверждение о том, что все люди от природы равны друг другу, имеют более или менее одинаковые физические и умственные способности. Это положение носило, безусловно, демократический характер и коренным образом отличалось от господствующих в условиях феодализма и освященных религией представлений об изначальном неравенстве людей.

Эгоистическая природа человека и равенство способностей людей приводят к тому, что между ними возникают отношения вражды и соперничества. В «естественном состоянии» каждому человеку позволено «делать все, что ему угодно»⁵. Поэтому естественное состояние — это состояние войны всех против всех. Не удивительно, что люди жаждут выйти из этого состояния и создать гражданское общество, государство, которое гарантировало бы им жизнь и безопасность. Такой гарантией являлся, по Гоббсу, естественные законы, обязательные для всех граждан и опирающиеся на авторитет и силу государственной власти.

Первым и основным естественным законом Гоббс считал требование мира и согласия между людьми. Из этого закона он выводил другие, содержащие различные морально-правовые предписания⁶. При этом Гоббс фактически устранял различие между нравственностью и правом. Естественные законы, будучи установлениями государства, превращали моральные нормы в юридические, гражданские акты. Но мораль получала при этом светское обоснование.

Правда, естественные законы, которые служат, по Гоббсу, одновременно и принципами морали, объявлялись им

² Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 1. М., 1964, стр. 292.

³ Там же, стр. 300.

⁴ Там же, стр. 301.

⁵ Там же, стр. 306.

⁶ См. об этом в сочинениях Гоббса «О гражданине» (гл. II, III) и «Левифан» (ч. 1, гл. XIV, XV).

также вечными и неизменными: «То, что они запрещают, никогда не может стать дозволенным; то, что они предписывают, никогда не станет недозволенным»⁷. Подобная абсолютизация морально-правовых норм свидетельствовала о метафизической ограниченности воззрений Гоббса. Не трудно обнаружить в его этическом учении и влияние религиозной идеологии. «...Естественный и моральный закон называют божественным»⁸, — утверждал Гоббс и доказывал это ссылками на Священное писание.

Но, отмечая ограниченность и недостатки этики Гоббса, следует помнить о коренном отличии его взглядов от концепции морали, которую отстаивали представители религиозно-идеалистической философии. Согласно Гоббсу, естественные моральные законы суть предписания разума, они исходят из самой человеческой природы и являются божественными лишь в том смысле, что разум «дан каждому человеку богом как мерило его действий»⁹. Провозглашая же вечность и неизменность естественных законов, Гоббс ссылаясь при этом на то, что «разум остается все тем же: не изменяются ни его цели, которыми остаются мир и самозащита, ни предписываемые им средства...»¹⁰.

Вместе с тем в этике Гоббса содержались положения, свидетельствующие о том, что английский мыслитель подходил к выявлению относительности моральных норм, их изменчивости. Люди различаются между собой в понимании добра и зла, указывал Гоббс, поскольку «каждый человек отличается от другого по складу характера и вкусам»¹¹. Он обращал внимание на то, что представления о добре и зле могут меняться даже у одного и того же человека: «В одно время он хвалит, т. е. называет добром, то, что в другое время он хулит и называет злом»¹². Наконец, Гоббс заявлял, что «не существует абсолютного добра, лишённого всякого отношения к чему-либо или к кому-либо»¹³. Это было прямым вызовом религиозной морали, объявившей всеблагодать бога синонимом абсолютного добра. Такова была в общих чертах этика Гоббса.

⁷ Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 337.

⁸ Там же, стр. 341.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, стр. 338.

¹¹ Там же, стр. 470.

¹² Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 2, стр. 185.

¹³ Т. Гоббс. Избранные произведения в двух томах, т. 1, стр. 470.

Обратимся теперь к этике другого крупнейшего представителя английской буржуазной философии нового времени — Джона Локка (1632—1704).

Исходным пунктом философского учения Локка явилось известное положение об опытном происхождении всего нашего знания, ставшее в свою очередь основой для критики Локком теории врожденных идей. Применительно к этике данная критика вела к отрицанию врожденного характера моральных принципов, что знаменовало новый шаг по пути материалистического истолкования нравственности. Ведь врожденность исходящих от бога моральных заповедей была альфой и омегой религиозно-идеалистической этики. Согласно же Локку, нет ни одного нравственного правила, которое было бы запечатлено в человеческом разуме от природы.

Отвергая врожденность нравственных принципов, Локк убедительно показал, что моральные нормы относительно и изменчивы, что они зависят, как правило, от среды, воспитания, обычаев. В этом отношении Локк пошел значительно дальше Гоббса. В отличие от Гоббса Локк не подчеркивал столь резко эгоистическую природу человека, обращая внимание на то, что у людей имеются «стремления к добру»¹⁴, что они по большей части одобряют не порок, а добродетель. Правда, Локк тут же указывал, что добродетели следуют потому, что она полезна. Эта мысль Локка впоследствии легла в основу этики утилитаризма.

Не трудно обнаружить у Локка и элементы эвдемонистического и гедонистического истолкования морали. «Я признаю,— писал он,— что природа вложила в человека стремление к счастью и отвращение к несчастью»¹⁵. По Локку, это стремление есть постоянно действующая естественная склонность, которая и определяет в конечном счете всю нашу деятельность. Она же служит критерием добра и зла. Однако Локк не ограничился таким пониманием морали. Согласно его учению, существуют также «нравственные добро и зло», т. е. согласие или несогласие наших сознательных действий с определенными нравственными правилами, по которым судят о нашем поведении, одобряя или порицая его. При этом Локк различал три рода нравственных правил, или законов: божествен-

¹⁴ Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах, т. 1. М., 1960, стр. 94.

¹⁵ Там же.

ные (по которым судят о том, являются ли поступки людской греховными или благочестивыми), гражданские (которые служат мерилom преступления или законности) и законы общественного мнения (которые выступают мерилom добродетели и порока) ¹⁶.

Гоббс, как уже говорилось, объявлял естественные (моральные) законы одновременно и гражданскими, а государственную власть превращал в единственный гарант соблюдения этих законов. Для Локка же мораль и право не совпадают полностью по своему содержанию. Не гражданские законы, а законы общественного мнения являются, по нему, подлинным критерием нравственности. Они не имеют юридической силы, а устанавливаются «по скрытому и молчаливому согласию» ¹⁷ людей.

Что касается Шефтсбери ¹⁸ (1671—1713), то он был не только прямым предшественником Мандевилля, но и его типом в трактовке морали. Впрочем, Шефтсбери расходился во взглядах на нравственность не только с автором «Басни о пчелах», но и со своим учителем и воспитателем Локком. Если Локк отрицал существование врожденных моральных принципов, то, согласно Шефтсбери, «представления о прекрасном, справедливом и честном» ¹⁹ являются природными свойствами человеческой души, составляют основу так называемого «морального чувства» (moral sense), которое присуще от рождения всем людям. В противовес Локку Шефтсбери настаивал на самодовлеющем характере нравственности, ее полной автономности и независимости от всяких посторонних побуждений и расчетов.

Понятно, что Шефтсбери отвергал и тезис Гоббса об эгоистической природе человека, которая приводит к состоянию войны всех против всех. Шефтсбери называл такое состояние не естественным, как считал Гоббс, а противоестественным, поскольку оно не соответствует истинной природе человека, влекущей его к добру и отвращающей

¹⁶ См. Д. Локк. Избранные философские произведения в двух томах, т. 1, стр. 354—355.

¹⁷ Там же, стр. 356.

¹⁸ Антони Эшли Купер, впоследствии граф Шефтсбери, принадлежал к числу наиболее известных английских философов-моралистов начала XVIII в. Его главное произведение «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (1711) оказало значительное влияние на этику и эстетику западноевропейского Просвещения.

¹⁹ A. Shaftesbury. Characteristics of Men, Manners, Opinions, Times, vol. II. London, 1900, p. 135.

от зла. Правда, Шефтсбери не отрицал наличия таких аффектов, как злоба, мстительность, жестокость и пр., но подчеркивал их нетипичность и асоциальный характер.

При всем различии взглядов Шефтсбери, с одной стороны, и взглядов Гоббса и Локка, с другой, имелся один немаловажный пункт, сближавший их этические воззрения. Речь идет об отношении морали к религии. В этом пункте Шефтсбери проявил себя как решительный сторонник секуляризации морали, ее полного освобождения от религиозного влияния и опеки. Религия не только не способствует нравственному прогрессу, указывал Шефтсбери, но, наоборот, оказывает пагубное воздействие на мораль, разжигает фанатизм, потворствует лицемерию и эгоизму.

Следует, однако, иметь в виду, что свободомыслие Шефтсбери не выходило за рамки деизма. Бог выступал в учении Шефтсбери как безличный высший разум, создавший «великий шедевр природы». Он являлся в то же время источником «социальной гармонии», преобладающей в общественной жизни, источником добродетели и красоты, наиболее полно выражающих, по мнению философа, внутреннюю гармонию человеческой души. Необходимо помнить, наконец, и об эзотерическом характере этико-эстетической концепции Шефтсбери, предназначавшейся в первую очередь для привилегированных кругов английской аристократии, для своеобразной духовной элиты.

Такова была идейная обстановка, в условиях которой происходило формирование философских, и в особенности этических, воззрений Мандевиля. Перейдем к анализу его «Басни о пчелах», рассмотрению и характеристике основной проблематики этого произведения.

* *
*

Характеризуя Мандевиля как одного из ранних английских учеников Локка, К. Маркс писал: «Он доказывает, что в *современном* обществе пороки *необходимы и полезны*. Это отнюдь не было апологией современного общества»²⁰. Маркс имел в виду, разумеется, современное автору «Басни» буржуазное общество, и прежде всего ту его разновидность, которая утвердилась в конце XVII — начале XVIII в. на британской почве.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 146.

Буржуазная революция 1688—1689 гг. поставила у власти в Англии «наживал из землевладельцев и капиталистов»²¹. Заключив взаимовыгодный компромисс, господствующие классы получили дополнительные возможности для обогащения, укрепления своих экономических и политических позиций. «Политические трофеи — доходные и теплые местечки — оставались в руках знатных дворян-землевладельцев при условии, что они в достаточной мере будут соблюдать экономические интересы финансового, промышленного и торгового среднего класса»²². И хотя английская буржуазия не могла рассчитывать на ведущую роль в политической жизни страны, она вполне была удовлетворена своим положением. Земельная аристократия со своей стороны прекрасно понимала, «что ее собственное экономическое процветание неразрывно связано с процветанием промышленного и торгового среднего класса»²³.

Но каким путем обеспечивалось это процветание? Для буржуазии существовал только один путь: усиление эксплуатации трудящихся. Купец или фабрикант, писал Ф. Энгельс, был движим лишь одной заботой по отношению к своим рабочим: «ему пужно было выжимать из них возможно большее количество труда возможно лучшего качества»²⁴. Однако английский буржуа хотел оставаться при этом вполне добропорядочным. К тому же он был религиозен, а религия требовала от него не только благочестия, но и «любви к ближнему», милосердия к тем самым «низшим сословиям», которые им безжалостно угнетались.

В этом кроется источник поразительного ханжества буржуазии Англии, составлявшего отличительную черту британской «респектабельности». Как известно, именно на эту черту английской буржуазии неоднократно обращали внимание основоположники марксизма²⁵. И МанDEVиль был одним из первых, кто решился сорвать маску с буржуазной респектабельности, разоблачить лицемерие и ханжество правящих классов, выявить подлинные, тщательно скрываемые мотивы поведения преуспевающих буржуа, которые, участвуя в эксплуатации и подавлении «огромной

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 735.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 310.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ См., например, «Введение к английскому изданию» «Развития социализма от утопии к науке» Ф. Энгельса.

производящей народной массы»²⁶, изображали себя образом нравственности и набожности.

Но «Басня о пчелах» — произведение, которое не ограничивается критикой мнимых добродетелей британского буржуа. Мандевиль создал острую сатиру на всю систему общественных отношений, порожденную господством частной собственности, погоней за прибылью, убедительно показал, какие взаимоотношения между людьми с неизбежностью вытекают из стремления к наживе, из жажды обогащения.

Уже в стихотворном памфлете, которым открывается «Басня», Мандевиль рисует картину общества, где роскошь соседствует с пищей, праздность и расточительность — с тяжким изнурительным трудом и бедностью. В описанном им пчелином улье пышным цветом расцвели алчность и скупость, тщеславие и честолюбие, зависть и высокомерие. Обитатели улья не брезгают ничем, чтобы разбогатеть и жить в полном довольстве. «Все профессии и должности не обходились без обмана, — констатирует Мандевиль. — И не было ни одного занятия, где бы не плутовали». Даже служители правосудия отличались лихоимством, а многочисленные священники под маской благочестия «скрывали свою лень, сластолюбие, алчность и гордыню» (53—54)²⁷. Словом, «каждая часть улья была исполнена пороков», но именно это и давало ему возможность процветать, поскольку пороки частных лиц являлись основой и источником общественного благосостояния. Когда же пчелы вдруг стали честными и пороки уступили место добродетелям, в улье произошли разительные перемены. Богатство и роскошь бесследно исчезли из жизни пчел, улей оскудел, зачах и распался.

В соответствии с законами жанра басня о «Возроптавшем улье» заканчивалась моралью. В ней высмеивалось прекраснодушие глупцов, желавших пользоваться всеми благами жизни и оставаться в то же время честными и добродетельными. «Обман, роскошь и тщеславие должны существовать, — заявлял автор, — ибо мы получаем от них выгоды». Одна лишь добродетель не может обеспечить обществу процветание. «Кто хотел бы возродить золотой век, должны быть готовы не только стать честными, но и питаться желудами» (63).

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 310.

²⁷ Здесь и далее «Басня о пчелах» цитируется по настоящему изданию, цифра в скобках обозначает страницу.